

III. К юбилею Т.Г. Шевченко (1814–1861)

Э.Г. Задорожнюк

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Т.Г. Шевченко и русская культура: Непрестанное взаимное обогащение

Abstract:

Zadoroznyuk E.G. T.G. Shevchenko and Russian culture: the incessant mutual enrichment.

The Russian-language works of Ukrainian poet T. Schevchenko are reviewed; the reasons for many Russian-language readers and even famous Russian writers to read his poems in Ukrainian language are discussed. By example of the works of Schevchenko it is stated that the matter of mutual language enrichment is significant from the cultural point of view not only for Russian and Ukrainian people, but also for the Czechs and the Slovaks, the Serbians and the Croatians, the Spanish and the Catalans, the British, the Scottish and the Irish, etc.

Ключевые слова: конструктивное взаимопонимание, восточнославянский мир, шевченкознание и пушкиноведение, украиноязычная поэзия и русскоязычная проза, славянский романтизм, взаимное обогащение, национализм, интернационализм, русские и украинские писатели.

Современное шевченковедение (шевченкознание), равно как и пушкиноведение, – сложнейшая область исследований, что требует расширенного и углубленного изучения творчества Т.Г. Шевченко с привлечением не только новых методов, но и учета новых вызовов в научном и венаучном контекстах, включая политические. Как только кто-либо утверждающий некий тезис (точку опоры) настаивает на полной достоверности такового (утверждается на ней), сразу же возникают носители контр-тезисов (точек опоры), тоже претендующие на свою достоверность. Как только наступают юбилейные даты, тут же «обосновываются» крайне пристрастные суждения, например, о якобы беспримесном национализме или же абсолютном интернационализме взглядов поэта. Его то сопоставляют с Пушкиным, то противопоставляют ему; редко кто согласится, что шевченковская и пушкинская линии, скорее, обогащают украинскую и русскую литературы на принципах комплиментарности (дополнительности).

В этом плане примечательно убеждение критика позапрошлого века, который отстаивал позиции почвенничества и прославился афоризмом «Пушкин – наше все», – А.А. Григорьева. В 1861 г. в статье «Тарас Шевченко» он писал: «По красоте и силе многие поставляли его наравне с Пушкиным и Мицкевичем: мы готовы идти даже дальше в этом – у Тараса Шевченко есть та нагая красота выражения народной поэзии, которая только разве искрами блистает в великих поэтах художниках, каковы Пушкин и Мицкевич, и которая на каждой странице "Кобзаря" паразит вас у Шевченко»¹.

Все же К.И. Чуковский, говоря о современных ему переводах, утверждал, что Шевченко в них практически не известен русскому читателю (или, точнее, известен по судьбе и силе, но не по красоте своих произведений). Его убеждение таково: «По странной аберрации вкуса у нас до самого недавнего времени очень немногие знали, что Шевченко – поэт гениальный»². Убеждение выражено в 150-летний юбилей Шевченко, но слова «до самого недавнего времени» этого критика и тоже поэта излишни, поскольку это «недавнее время» длится до сих пор...

В настоящее время в околополитических кругах бытует представление об «антимоскальстве» и едва ли не русофобстве украинского поэта. Но это совершенно не соответствует истинному положению вещей, более того, анализ многих фактов (и факторов) показывает, что творчество Шевченко и русскоязычная культура не только сущностно связаны, но и обогащают друг друга. Можно ли трактовать русскоязычное творчество Шевченко так, чтобы оно отчуждало носителей двух языков? Конечно, можно. Продуктивно ли это? В целях политики или политиканства возможно, но в плане культурного диалога здесь обнаруживается масса загадок и возможностей. Не случайно даже наиболее политически ангажированные шевченковеды избегают окончательных суждений в данном направлении. Так, диссидент с 1960-х годов, считающийся национальной совестью Украины, Е. Сверстюк утверждает: «Шевченко и украинский и русский языки – тема намного более глубокая и серьезная, чем мы привыкли себе представлять, когда об этих языках говорится на уровне поверхностно-бытовом, не учитывая самого духа языка»³. И еще: «Когда мы отыскиваем шевченково окружение в Украине или в России, то должны понять, что это может быть только мир, лишенный имперской, официальной или светской гордыни»⁴.

Современный украинский исследователь Е.К. Нахлик указывает, что в настоящее время интенсифицируется диалог современного шевченковедения с пушкиноведением и областью исследований жизни и творчества А. Мицкевича. Важно поэтому его обновление в ракурсе возрождения украинской полонистики и русистики, в частности, в ходе исследования такого кросс-национального феномена, как славянский романтизм. Примечательна цитата из заключительных страниц его книги: «Нет оснований утверждать, что Шевченко якобы более близок польским романтикам нежели россий-

ским (или наоборот). Сама постановка вопроса отражает те или иные национальные амбиции, симпатии и антипатии, либо политическую конъюнктуру. Каждый из сравниваемых художников слова является самодостаточной величиной и ценностью, независимо от его сравнения с другими, и осознание этого – намного важнее, нежели тенденциозное сопоставление кого-либо из них с одними национальными писателями и противопоставление другим. В чем-то существенном наиболее близки друг другу Пушкин и Мицкевич, в другом – не менее существенном – Мицкевич и Шевченко, еще в чем-то, не менее характерном – Пушкин и Шевченко или же Лермонтов и Шевченко. Едва ли нужно лишний раз акцентировать внимание на том, что Шевченко не теряется, не проигрывает, не блекнет на фоне избранного важного сопоставительного ряда. Важнее другое: понять, что Шевченко, как и каждый из сравниваемых (порівнюваних) поэтов, играл в континууме своей национальной литературы (и шире – культуры) незаменимую роль»⁵.

В данной связи важно рассмотреть, во-первых, русскоязычные творения украинского поэта, во-вторых, поставить вопрос, почему многие русскоязычные читатели, в частности великие русские писатели – создатели классической и значимой для художественного развития всего человечества литературы – все-таки читали украиноязычные стихотворения и поэмы Шевченко, в-третьих, почему они стремились донести их поэтическую мощь и до других народов.

Русскоязычная проза Шевченко в целом отстала от общего потока развития русской прозы, хотя ее автобиографическая составляющая интересна сама по себе. Естественно, если бы Шевченко не вырвали насильственно из литературной жизни, он смог бы уловить и реализовать идеи «гоголевского периода» русской литературы. Украинский литературовед И.Дзюба справедливо отметил, что именно Шевченко в прозе (повестях, в меньшей степени – в «Дневнике» и уж совсем в малой – в русскоязычной поэзии) стремился сказать: «Украина имеет свое лицо, отличное от лица России, свою историю и культуру»⁶. Экс-президент Украины Л. Кучма, в прошлом немало сделавший для кооперации русско-украинских научно-технических связей и знающий цену другим связям, подчеркивал: «У нас уже есть неразрушимый мост к русскому языку. Это русское творчество Шевченко. Даже не будь ничего другого – ни близкого к русскому староукраинского литературного языка XVIII века, ни Сковороды, ни Григоровича-Барского, ни Гоголя, ни трудов наших классических историков и этнографов, ни западноукраинского "язычия", ни даже нынешней языковой ситуации в Украине, русское творчество Шевченко стало бы одним из залогов наших особых отношений с русским языком, нашим мостом к русскому языку. Воспользоваться таким мостом или нет, каждый украинец решит для себя сам, никакой обязанности тут быть не может. Но возможность представлена всем – русский язык всегда будет у нас одним из важнейших

школьных предметов, русский язык никогда не должен чувствовать себя иностранным в Украине»⁷. Очень взвешенное заявление, и апелляция к русскоязычному творчеству Шевченко здесь едва ли не ключевая. Хотелось бы, правда, чтобы и украинский язык не чувствовал себя на задворках в России, хотя бы как французский и немецкий, учитывая, что его носителей тоже десятки миллионов...

В сфере культуры вопрос взаимного обогащения языков значим не только для двух упоминаемых народов, но также для чехов и словаков, сербов и хорватов, испанцев и каталонцев, англичан, шотландцев и ирландцев и т.д. Этот вопрос решается в течение длительного времени – и плодотворно – скорее, за письменными столами писателей и поэтов, историков и этнологов и т.п., чем в жестких политизированных столкновениях. Но часто и эти результаты являются предметом излишне пристрастных истолкований в национальном духе.

Если вернуться к русскоязычной прозе Шевченко, то, действительно, ему не удалось в повестях в полной мере реализовать свой талант, хотя негативизм по отношению к ним со стороны украинца П.А. Кулиша и русско-го С.Т. Аксакова можно считать чрезмерным и идеологически ангажированным. И то, что его повести не были приняты русскими журналами (украинских не существовало), несправедливо, хотя они и несоизмеримы по талантности с поэтическим творчеством Шевченко.

Повести увидели свет в 1888 г., их автор правомерно рассматривался, например, русским историком литературы А.Н. Пыпиным, в качестве оригинального прозаика. Так, повесть «Наймичка» содержит некоторые дополнительные сведения по сравнению с поэмой; важно, что чрезмерных обвинений в адрес обольстителя героини в ней не было, более того, он стремился снова сойтись с матерью своего сына, но та отвергла предложения улана. Поэма выиграла из-за отказа от этих излишеств. Л.Н. Толстой вряд ли плакал бы над «Наймичкой» в прозаическом варианте. И. Франко писал, что сюжет поэмы – «спрессованная, концентрированная, выкристаллизованная действительность», в повести те же сюжеты изложены обстоятельно и с юмором, что придает сюжету достоверность⁸.

Практически каждая из повестей имеет свое зерно. В «Капитанше» это сюжет и характер солдата-украинца, который спасает дочь одного капитана и ее дочь уже как наложницу капитана другого; в «Художнике» – автобиографические сведения; в повести «Близнецы» – идеи педагогического характера и т.д. Создание повестей Шевченко и попытки их публикации – сама по себе повесть при его жизни. Он писал их в ссылке для русскоязычных журналов в надежде на заработок, а также, скорее всего, потому, что там для поэзии у него не было «горючей массы». Кроме того, проза русскоязычная сделала большой рывок именно во время его вынужденного отсутствия – и Шевченко это осознавал.

Непростой вопрос и с побуждениями к написанию русскоязычных поэтических и драматических произведений. Что касается последних, то в сохранившихся фрагментах трагедии «Никита Гайдай», написанной в 1841 г., особенно примечателен призыв к славянскому единению; в ней ставится вопрос, ответ на который не найден и сегодня: «Ужели нам вечно суждено быть игральным иноплеменников»⁹. Отрывок из пьесы был опубликован в девятом номере журнала «Маяк» за 1842 г., и для набиравшего силу движения славянофилов, а затем и идей панславизма, эти призывы и вопрос звучали очень убедительно (тот же С.Т. Аксаков многое «прощал» поэту, уже в конце 1850-х годов перешедшему на позиции революционного демократизма; другие славянофилы оценивали Шевченко пожестче, но и от него получали упреки, к примеру, И.С. Аксаков за «Русскую беседу» и за излишнее «ревнительство» властям).

Поэма «Тризна» носит во многом биографический характер, впрочем она и была написана по запросу княжны В.Н. Репниной, близкого друга поэта, дочери Н.Г. Репнина-Волконского (старшего брата декабриста С.Г. Волконского – отсюда и аллюзии на нелегкую судьбу ее героя). Но все-таки поэма – не биографическая, а аллегорическая исповедь. Однако именно исповедь – и как раз в ней ключ к пониманию судьбы поэта, его души, его терзаний, тяжелых коллизий, в которые ввергла его жизнь. Остается добавить, что поэма не могла бы быть написана не только без поэзии декабристов, включая созданную в 1838 г. А.И. Одоевским одноименную поэму, но и без «Кавказского пленника», и «Героя нашего времени». Именно русская классическая литература начала задавать высочайшую планку исповедальности, значимую для художественного развития всего человечества. В своей поэме Шевченко воспринимал и вместе с тем отвергал сложившуюся романтическую традицию, задавая уже свои формы исповедальности (как это зафиксировано в стихотворении «Три літа»).

В статье «Перекресток "Тризны"» американский ученый-славист украинского происхождения Г.Ю. Грабович трактовал поэму как результат поиска Шевченко новой идентичности, связанной с переходом от позиции сосредоточения на самом себе и преимущественно сентиментальной к позиции трибунной и прометеевской – таковая просматривалась в поэзии декабристов и глубоко любимого им М.Ю. Лермонтова. «Одновременно, – пишет автор, – она иллюстрирует особую миссию русскоязычной поэзии Шевченко»¹⁰.

Действительно, «Тризна» выступает как реквием и символ возрождения, она открывает и глубинную тенденцию обращения к библейским образам, в первую очередь, к Слову, которое спасает (недаром она и открывается словами первого послания апостола Павла о силе Глагола). Она мировоззренчески расширяет горизонты поэта (упомянувшего в поэме о мыслях Канта и Галилея), она же, будучи русскоязычным творением, знаменует

поворот к новому пониманию украинства. Остается добавить, что Шевченко не ушел от общей судьбы русских поэтов с фатальной цифрой 37 лет: столько он прожил в условиях свободы, а 10 лет у него «выгрызла» ссылка.

«Дневник» Шевченко, отличаясь от ряда дневников своего времени, несет на себе печать авторской индивидуальности, проявляющейся как раз через русский язык, который «пригодился» и для фиксации тонких движений души, и для выражения социальной позиции, и для эстетических суждений, и для философских размышлений. Этническая идентичность Шевченко при этом не только не пострадала, но и обогатилась новыми открытиями для диалога (которым по сути является любой дневник). Автор в нем зафиксировал некий экзистенциальный сдвиг – возвращение в свободную (освобождающуюся после николаевской тесноты) жизнь с новыми типами людей: это своеобразное «второе рождение». Особенно его радовали признаки возрождения украинства, причем на русской (точнее – имперско-национальной) почве в том же Петербурге, ставшем ко времени приезда в него Шевченко местом рождения первой украинской Громады.

Аналогов «Дневнику» на украинском языке практически не было, но весьма немного отыскивается и на русском – разве что «Дневник» другого бывшего крепостного А.В. Никитенко (встречу с которым Шевченко зафиксировал в своем «Дневнике» от 6 мая 1858 г., отметив, что тот не избегает даже «малороссийских выражений»; в той же записи Шевченко говорит и о В.В. Энгельгардте, сыне своего бывшего помещика, комментируя более раннюю встречу 14 апреля с этим «приличным юношею» словами: «Забвение прошедшему. Мир и любовь настоящему»)¹¹.

«Дневник» фиксирует, что и в Астрахани, и в Нижнем Новгороде, и в Москве, и, наконец, в Петербурге его встречали как поэта-страдальца, от него ждали новых стихотворений – и он оправдывает эти ожидания. Кроме того, он становится фигурой общественно-политической жизни всеимперского масштаба, налаживая отношения с теми, кто именовался революционными демократами, не теряя контактов со славянофилами и западниками.

«Дневник» – свидетельство богатейшей эрудиции поэта (которая была присуща, пожалуй, лишь одному писателю, также не получившему систематического образования – М. Горькому; надо добавить, что ключевая идея его знаменитого романа «Мать» выстраивалась не без влияния поэмы Шевченко «Неофиты»). В нем находят отражение не только сомнения и страхи, мелочи быта, но и высказываются упования в связи с будущим, которое для Шевченко не имело смысла без освобождения крестьян.

Конечно, даже самые пристрастные националисты не могут не признать, что Шевченко писал и на русском языке. Академические же исследователи отмечают, что поэт, будучи одним из представителей славянского триумвирата, включающего также Пушкина и Мицкевича, не мог не откликаться на их творчество (они, поэты-дворяне, не могли бы проигнорировать

и творчество поэта-крестьянина, но Пушкин погиб до выхода произведений Шевченко, а Мицкевич отошел от поэтического творчества). При этом, согласно современному исследователю Е. Нахлику, все они «создавали "должный", а не "сущий" образ протобытия своих народов», что еще больше затрудняет проблему соотношения их творческого наследия. В любом случае, согласно книге с весьма примечательным названием¹², содержащим одно слово на трех славянских языках (Доля, Los, Судьба), справедливо подчеркивается, что в данном отношении надо доходить до метафизического ядра личности Шевченко, чтобы оценить его взгляды на социальные и исторические реалии, а также пребывание в социуме Российской империи (другой для него не было).

В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» Н.П. Огарев писал: «Украина проснулась в Шевченко, и – лучшее доказательство как сила обстоятельств влечет к самобытности областей и нераздельности союза, – Шевченко, народный поэт в Малороссии, с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной: так было много общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»¹³. На этом фоне парадоксально отсутствие полноценных переводов творений Шевченко на русский язык. Кто бы за них не брался, успеха не было, что не снижало интереса к творчеству поэта. Более того, многие русские поэты вступали в своеобразную тематическую и даже стилистическую перекличку с Шевченко – о таковой украинского поэта с Н.А. Некрасовым написаны десятки, если не сотни, трудов. Интересно свидетельство художника И.Е. Репина, не раз иллюстрировавшего поэтические труды обоих: «Мы, люди шестидесятых годов, любили их одинаково – и Шевченко, и Некрасова. И на стене своей комнаты вешали их портреты рядом»¹⁴.

К.И. Чуковский весьма убедительно проанализировал эту «аномалию»: Шевченко едва ли не принципиально непереволим именно на русский язык, но при этом он не может не считаться в качестве значимого элемента русской художественной культуры. Что касается филологических контекстов, то Чуковский постоянно подчеркивает: именно близость языков создает многие абerrации. Наиболее убедительным является пример с переводами ключевого стихотворения «Заповіт» («Завещание»). Поэт пишет: «Як умру, то похороните/ Мене на могилі». Большинство переводчиков писали: похороните меня в могиле и, используя это слово, как будто бы отдавали должное украинской специфике. Но могила у Шевченко – не место упокоения, а высокий холм – курган. И только после этого меткого замечания упомянутого исследователя переводчики начали переводить без этой аномалии.

И еще одно наблюдение Чуковского: «Было бы сумасшествием думать, будто в русском языке не хватает ресурсов передать всю поэзию украинского подлинника. Мало существует таких трудностей, с которыми не

смог бы совладать этот многообразный язык... Именно потому, что украинский язык так родственно близок русскому, переводчик на каждой странице наталкивается на подводные рифы и мели, каких не существует при переводе с других языков. Здесь с особенной ясностью видишь, как безнадежны бывают в отношении точности дословные воспроизведения текста»¹⁵.

И все же поэзия Шевченко в полном объеме (не числа строк, а множества смыслов) может и должна быть освоена, в чем заключается и ответ на вызов к более полному освоению именно русского языка. Дело в том, что проникновение в богатство языка украинского способствует освоению глубин русского, что, собственно, и демонстрирует несомненный интерес к гению Шевченко гениев русской письменности.

Это не значит, что нужно едва ли не насильственным путем внедрять стихи Шевченко в самые разные образовательные структуры, где часто в век компьютерной грамотности и русские-то стихи приходится читать со словарем. Но в некоем пограничном видении следует сказать тем, для кого освоение языка – не только профессия, но и призвание (включая переводчиков): стихи Шевченко переводить мы обречены, и высокие образцы в этом деле уже достигнуты.

При освоении гения Шевченко надо брать не только филологический барьер, но еще учитывать и то, что Шевченко – поэт угнетенных. Как известно, русская классическая литература – плод творчества в основном писателей-дворян (даже А.П. Чехов, получив чин титулярного советника по окончании университета, считался дворянином). Шевченко – плоть от плоти представитель не только украинства, но и крестьянства, да еще крепостного. Горечь судьбы крепостных – живописцев, художников, музыкантов – с трудом поддается описанию (таковые – герои с трагической судьбой повестей и самого Шевченко), но как раз русские писатели и художники в 1838 г. (22 апреля) сделали все, чтобы выкупить его из неволи.

Уже до этого он начал писать стихи, в которых отражались чаяния народа как в поэтическом ключе, так и в плане выражения его упований на свободу. Как раз поэтому в его поэзию начали вслушиваться великие мастера русского слова, даже И.А. Бунин оставил проникновенные строки об этом. Именно им удавалось расшифровывать сплав у Шевченко поэтичности и социальности без этнографизма и революционаризма, сентиментальности и националистических пристрастий. Переводчики оказывались в особенно трудном положении, и дело было не только в цензуре (хотя вплоть до 1917 г. многие стихотворения печатались лишь с купюрами или не печатались вообще). Феномен творчества Шевченко демонстрирует другое: вопреки наилучшим намерениям переводчики нередко выступали «самым ярким врагом переводимого автора»¹⁶. Иллюзия близости языков служила им плохую службу, каждый из переводчиков мог читать его своим (а то и своим). И все же Шевченко знали, знают и будут знать русскоязычные чита-

тели, многие из которых сами осваивают для понимания Шевченко украинский язык.

«"Кобзарь" знаменует радикальную демократизацию мировой культуры – идет речь о превращении всей ее общественно-художественной фактуры. С Шевченко заговорили целые социальные материи, еле намеченные на элитарных культурных картах, мощнейшие и до тех пор неизвестные массивы человеческого горя», – писал литературовед В.Л. Скуратовский¹⁷.

Отсюда такая любовь к нему всех народов: мало кому из поэтов воздвигнуто столь большое количество памятников по всему миру. Народные массы ощущают в нем «своего», несмотря на языковые барьеры, а представители «элитарных культурных карт» признают его гениальность как художника, который заговорил на сложнейшем языке практически без периода ученичества.

На поставленный же вопрос о том, следует ли читать Шевченко на украинском языке, нужно дать ответ: следует, и не в последнюю очередь для того, чтобы понимать мощь и глубины языка русского.

200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко приходится на непростые времена отношений между украинским и русским народами, а также их культурами (по крайней мере, русские СМИ с начала 2014 г. об этом юбилее практически ничего не говорят). Вместе с тем обращение к творчеству гениального поэта, анализ его сущностных связей с русской культурой, в первую очередь, с русской классической литературой, доказывают, что без конструктивного взаимопонимания возможны не только крах культурных взаимоотношений, но и – как следствие – окончательная гибель (восточно)славянского мира. Это и демонстрирует фигура поэта, значимая для развития не только украинской, но и русской культуры, ибо не считаться с тем, что сделал Шевченко для культуры русской (и что сделала она для него), никак нельзя.

Примечания

¹ http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0290oldorfo.shtml

² Чуковский К.И. Собр. соч. Т. 3. М., 2008. С. 363.

³ Сверстюк С. Шевченко і час. Київ, 1996. С. 118.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Нахлік С. К. Доля – Los – Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів, 2003. С. 551.

⁶ Дзюба І. Тарас Шевченко. Київ, 2005. С. 516.

⁷ Кучма Л. Украина – не Россия. М., 2003. С. 313.

⁸ Франко І. «Наймичка» Т. Шевченка // Франко І. Зібрання творів у 5 томах. Т. 9. Київ, 1981. С. 457.

⁹ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів у шести томах. Т. 3. Київ, 1963. С. 58.

- ¹⁰ Грабович Г.Ю. Шевченко, якого не знаймо: З проблематики символічної автобіографії та сучасної рецепції поета. Київ, 2000. С. 50.
- ¹¹ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів... Т. 5. С. 227, 237.
- ¹² Нахлік Є.К. Указ. соч. С. 11.
- ¹³ Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т.1. М., 1952. С. 466.
- ¹⁴ Шаблювский Е.С. Т.Г.Шевченко и русские революционные демократы. Киев, 1975. С. 263.
- ¹⁵ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 344.
- ¹⁶ Там же. С. 325.
- ¹⁷ Батькові Тарасові – батько Союз Ukrainian national association. N.Y., 1989. С. 28, 31.